

"УГРИНЫ" И "УГРИНЦЫ" В ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Имре Х. Тот

Известно, что в древнерусской церковной и политической жизни XI в. играли важную роль три человека "угорского происхождения". Мойсей Угрин (ум. 1043) был на службе у князя Бориса. После того, как Борис был убит, Угрин удалился в Киев. После тяжких испытаний он стал монахом знаменитой Киево-печерской Лавры, где он выделился святостью жизни (его память 26 июля). Его брат, который известен под именем Ефрем, тоже служивший князю Борису, после убийства князя убежал на север. Постригшись в монахи, основал Новоторжский Борисо-глебский монастырь, первым игуменом которого стал сам основатель. Ефрем скончался 23 января 1053 г.. (Память его отмечается 28-го января или 11-го июля.) Георгий Угрин, верный отрок Бориса умер героически защищая своего князя; он не был причислен к лику святых, но стал образцом верности, героизма в древнерусской литературе.

Кроме этих венгров, довольно известных для исследователей древнерусской культуры, письменности и истории, следует еще упомянуть о двух венграх, сыгравших более скромную роль в истории древнерусской письменности. Вспомнить о них обуславливается и тем обстоятельством, что их деятельность осталась почти неизвестной в специальной литературе, особенно в венгерской.

Первый из интересующихся нас лиц писец Угринец. Попробуем подвести итоги изучения его деятельности. В Отделе рукописей Государственного Исторического музея под сигнатурой син. 1003 хранится евангелие-апракос начала XII в., списанное для новгородского Юрьевского монастыря; это знаменитое Юрьевское

евангелие (Юрв.). По данным Новгородской I-ой летописи основы каменного монастыря в честь святого Георгия были заложены в 1119 г. игуменом Кириаком и князем Всеволодом. Каменный монастырь был создан по всей вероятности на месте деревянного, если можно верить записи: "заложи крѣпакъ игоуменъ и князь всеволодъ церковь камяну монастырь святого георгия новгородѣ.¹ Скоро после освящения монастыря было заказано для храма Юрьевского монастыря евангелие-апракос на весь год (полный). На л. 231^б находится следующая запись:

"азъ грѣшныи феоdorfъ написахъ еуа
се роукою грѣшномъ стѣмосу мѣосу георгеви (sic!)
въ монастырь новгородсу при кѣриациѣ игоуме
нк. и савк икономк* сугриньца ѡдаль."²

Приписка писца проливает свет на обстоятельства возникновения рукописи. Рукопись сделана при игумене Кирияке. Игумен скончался в 1128 г.. Время возникновения Юрв. можно отнести к отрезку времени между 1119 и 1128 гг.. Заказчиком евангелия был Феодор, о котором мы ничего определенного не можем сказать. Во время списывания рукописи должность иконома выполнял Сава. Писцом рукописи был Угринаец, о котором ничего определенного не знаем. Однако заслуживает внимания факт, что Угринаец не называет себя ни монахом, ни священником. По всей вероятности он был мирянином.

В дальнейшем постараемся немного ближе подходить к таинственной личности Угринаца. Для этого мы обратимся к его труду. Известный знаток древнерусских рукописей И. И. Срезневский, которому удалось прочитать и расшифровать приписку писца, характеризует письмо Юрв., подчеркивая, что "книга писана не

¹Новгородская Первая летопись. Erster Novgoroder Chronik. Nach ihrer ältesten Redaktion. In deutsche Übertzung herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von Joachim Dietze. Leipzig, 1971. с. 21.

²Приписка писца цитируется по изданию Е. Ф. Карского: Славянская кирлловская палеография. Репринт. Москва, 1979. с. 286.

красиво, бедно"³, мелким уставом. Более интересным является украшение Юрв., что уже давно было отмечено исследователями. Известный знаток древнерусского орнамента М. В. Щепкина подчеркивает, что рисунки Юрв. представляют собой собрание всех основных, известных нам типов византийского орнамента XI–XII веков.⁴ Она же указывает и на то, что в рукописи существуют особенности оформления Юрв., необычные для Новгорода. Эту черту орнамента М. В. Щепкина объясняет происхождением писца евангелия – Угринца (венгра), представителя страны, "отразившей в своем древнем искусстве влияние как западноевропейское, так и восточное".⁵ Подобного мнения придерживается известный историк древнерусской книги Н. Н. Розов. Усиление романских или галицко-волынских мотивов в орнаменте Юрв., и он связывает с тем, что Угринец участвовал в создании этого интересного памятника древнерусской книжности.⁶ Юрв. занимает важное место среди древнейших славянских рукописей, т. к. оно входит в первый десяток датированных славянских книг, и является второй по древности большой русской рукописью XII в..⁷ Этим фактом объясняется интерес к содержанию и составу Юрв.. В этой области выделяется весьма ценная научная деятельность Л. П. Жуковской. Юрв. выделяется из полных апракосов мстиславова типа и своим содержанием, то есть составом чтений. Л. П. Жуковская установила близость Юрв. с галицко-волынскими памятниками XII–XIII вв..⁸

³И. И. Срезневский: Древние памятники русского письма и языка (X–XIV). Второе издание. Санктпетербург, 1882. столбец: 50.

⁴М. В. Щепкина: Византийский орнамент. In Академия наук СССР. Древнерусское искусство. Рукописная книга. "Наука". Москва, 1974. с. 212. (Отдельный оттиск)

⁵М. В. Щепкина: Искусство книги Древней Руси и библиография (по новгородско-псковским материалам). In: Академия Наук СССР. Древнерусское искусство. Рукописная книга. "Наука". Москва, 1972. с. 26. (Отдельный оттиск)

⁶Н. Н. Розов: Книга древней Руси. Москва, 1977. с. 64.

⁷Л. П. Жуковская: Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. In Исследования источников по истории русского языка и письменности. Редакторы: Л. П. Жуковская и Н. И. Гарабосова. Москва, 1966. с. 44.

⁸Л. П. Жуковская: Ук. соч. с. 48.

Таким образом остается открытым вопросом то, что наряду с украской рукописи, не находятся ли в связи и галицко-волынские черты Юрв., списанного Угрином, т. е. венгром.

Надо добавить и то, что по текстологическим особенностям Юрв. Л. П. Жуковская поднимает вопрос о том, что скриптор рукописи одновременно был и писцом и составителем Юрв, (или его протографа).⁹ Л. П. Жуковская установила, что по своему составу "среди сохранившихся до нашего времени полных апракосов Юрв. единично".¹⁰ Ни М. В. Щепкина, ни Н. Н. Розов не сомневаются в том, что Угрин был венгром. М. В. Щепкина далее высказывает, что писец рукописи был иноверцем.¹¹

В свете того, что мы знаем о составлении чтений в Юрв., предположение Щепкиной отпадает или становится сомнительным, ведь Угринец хорошо разбирался в евангельских текстах. Чтобы получить более точный ответ на вопрос относительно происхождения, мы обратимся и к языку памятника. Юрв. было списано с очень архаического протографа, в котором **ж**, **ѣ** часто употреблялись. В этом отношении оно стоит особняком среди древнерусских рукописей XII в.. Несмотря на эту черту графики в Юрв. довольно консеквентно отражаются и древнерусские черты фонетики и морфологии.

1. На месте сочетаний **тъгт**, **тъгт**, **тълт**, **тълт** пишутся сочетания с редуцированными перед плавными, или плавные находятся между двумя буквами, обозначающие редуцированные: **испълань** 1^б, **испълнениа** 1^б, **отвърже сѧ** 2^а, **напълните** 6^б, **напълнша** 6^б, **до върха** 6^б, **почърпете** 6^б,
но отвъръзоста сѧ 3^а, **нз цѣръкве** 4^б, **търъжникомъ** 4^б, **държите** 6^а, **пърстъ** 6^а.
2. На месте общесл. сочетания ставится **ж**: **ноужаста** 2^б, **осоужение** 2^б, **внжъ** 3^б, **дажъ** 32^б, **осоуженъ** 7^б.

⁹Л. П. Жуковская: Ук. Соч., с. 75.

¹⁰Л. П. Жуковская: Ук. соч., с. 75.

¹¹М. В. Щепкина: Искусство книги Древней Руси..., с. 26.

3. Сочетание **кѣ** (спорадически) переходит в **ки**: **кинуѣ** 2^б.
4. На месте корня **скърѣ-** пишется **скърѣ-**: по **скърѣи** 68^а.
5. Встречается переход **ѣ > ѣ** перед **ј**: **сѣнѣи** 10^а.
6. Из морфологических особенностей выделяется окончание **-ѣи** в твор. п. ед.ч. существительных неженского р.: **дѣлѣи** 2^б, **словѣи** 2^б, **данѣи** 67^б, **пророкѣи** 67^б.
7. Форма род. п. ед.ч. женск. р. оканчивается на **-ѣ** (в редких случаях): от **смокъвициѣ** 68^б.
8. У глаголов в 3 л. едч. флексия **-ѣ** отсутствует (спорадически): **ѣ** (= **ѣсть/ѣ**).
9. Иногда встречается имперфект с полным стяжением: **молаше** 10^б.

К этим отмеченным нами чертам следует добавить еще следующие: А. А. Шахматов останавливается на переходе сочетаний **ѣ + ј > ѣ** (**ѣ**), **ѣ + ј > и** (**ѣ**): **дѣи** **ѣѣи**, **ѣдѣи** **и**, и на наличии суффикса **-ѣи**: **дѣи** **ѣѣи**, и на полногласии: **жерѣи**.¹² Л. П. Жуковская выделяет случаи мены букв **ѣ** – **и**, которые не все могут быть объяснены морфологически или текстологически.¹³

Все эти данные свидетельствуют о том, что в Юрв. мы имеем дело с нормальным, хорошо засвидетельствованным древнерусским церковнославянским языком. Писец Угрин несомненно хорошо владел особенностями этого языка. Этот факт объясняется или хорошей подготовкой писца Угринца, который – может быть – вышел из такого православного монастыря Венгрии, где литургия еще совершалась на церковнославянском языке, и поэтому выучить нормы древнерусского церковнославянского языка не оказалось ему трудным, и сравнительно легко мог он усвоить его особенности. В начале XII в. в венгрии еще существовали православные монастыри с славянской литургией. Угринец мог быть выходцем из такого монастыря.

¹²А. А. Шахматов: Курс истории русского языка. СПб., 1908–1909. с. 28.

¹³Л. П. Жуковская: Ук. соч. с. 45–46.

В специальной литературе нет единого мнения о месте возникновения, списывания или составления Юрв.. Часть специалистов (М. В. Щепкина, Н. Н. Розов, А. А. Покровский) относят возникновение рукописи к Новгороду, другие исследователи к Киеву. Мы на основе данных, извлеченных из Юрв. считаем возможным, что оно было списано Угрином в Киеве для новгородского Юрьевского монастыря.¹⁴ Эту гипотезу подтверждают и некоторые языковые особенности Юрв.: переход $\bar{y} + j > \hat{y}$, $\bar{y} + j > \hat{y}$, написание корня *скъръ-* (к вместо ѣ) и мена букв *ѣ* и *и*, характерные для южнорусских памятников.

С именем *оугринъ* встречаемся в Служебной минее на сентябрь–октябрь первой половины XII в., хранящейся в Отделе рукописей ГПБ под сигнатурой ссоф. 188.¹⁵ Рукопись представляет собой служебную минею на месяц сентябрь–октябрь. Она писана уставом на пергамене. В минее на л. 251 находится приписка уставом XII в. На этом листе написаны две стихиры апостолу Луке и Св. Дмитрию, которые снабжены нотными (крюковыми) знаками. Под ними читается следующая приписка:

оугринъ подалъ стихиръ ѣ си двѣ.

Значение глагола *подати* в данном окружении текста обозначает, что Угринец поднес (добавил к стихирам) еще две стихиры. Заслуживает внимания факт, что писец приписки не назвал принадлежности Угринина к духовенству, а указал просто на его происхождение, национальность. Памятники, фиксирующие напевы, свидетельствуют обыкновенно о высоком культурном уровне¹⁶ потому, что для составления стихир с нотными знаками требовалось хорошее знание певческого искусства.

¹⁴ П. Я. Черных: Историческая грамматика русского языка. Москва, 1963. с. 27.

¹⁵ Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Сост.: Е. Э. Гранстрем, под редакцией Д. С. Лихачева. Ленинград, 1953. с. 20.

¹⁶ Н. Н. Розов: Несколько слов о библиотеке новгородского Софийского собора. П. Древнерусское искусство. Рукописные книги. Москва, 1989. с. 248.

К сожалению эта совсем краткая приписка не дает основания для дальнейших выводов об Угрине. Тот факт, что он поднес две стихиры к служебной минее дает право предположить, что Угрин был образованным человеком, который мог разбираться в нотных знаках. Интересно, что он поднес стихиры на память апостола Луки и на память Св. Дмитрия. Избегая ненужных затяжек, мы хотели бы указать на то, что в городе в Среме (Серем) в Венгрии существовал знаменитый монастырь, патроном которого был Св. Дмитрий, любимый святой св. Мефодия. В монастыре в XII в. жили греческие, славянские и венгерские монахи. Монастырь придерживался восточного обряда. Литургическим языком для монахов могли быть греческий (для греков), церковнославянский (для славян), однако ничего определенного не можем сказать о литургическом языке венгерских монахов с восточным обрядом. Монастырь был одним из богатейших монастырей Венгрии, владевший огромными земельными владениями, на которых имелось и славянское население, для которого монастырь строил храмы с потронами восточной церкви. На уровне рабочей гипотезы можно задать вопрос о том, не был ли Угрин связан с монастырем Св. Дмитрия в Венгрии, сыгравшим столь важную роль в истории православной церкви Венгрии.

Венгерское происхождение Угринца и Угурина не предоставляло для них трудностей списать церковнославянские книги на Руси, особенно в том случае, если они были православными, несмотря на то обстоятельство, что они были мирянами или принадлежали к духовенству, хотя в случае Угурина принадлежность к духовенству является почти несомненной в виду его подготовки в чтении крюковых знаков. Можно привести пример на такой труд из XIX века, когда певец Иоанн Юхасевич (т. е. Иван Юхас) списал ермологичнѣ при храме "покрок прѣтѣи клѣцѣи в Венгрии. Фамилия *Юхас* дается писцом славянизированном виде, однако венгерское происхождение скриптора не вызывает сомнения.

Пример Угринца и Угурина показывает, что после разделения церкви, в первой половине XII в. писцы венгерского происхождения

могли выполнить культурную деятельность в Древней Руси, хотя примеры на этого рода сотрудничество являются только единичными.